

Изъ Варшавы въ Ярославль.

4. Ярославль.

Непривычное и странное чувство — гулять по улицам только что завоеванного города. Въ городахъ полуопустынныхъ я уже привыкъ въ Польшѣ, посѣщая тѣ уѣзды, гдѣ побывали германцы. Закрытые магазины, запортыя двери гостиницъ и кафе, на улицахъ — преобладаніе поселянскихъ кудрявцевъ, въ массахъ которыхъ томятъ отдѣльныя фигуры обывателей; почти полное отсутствіе женщинъ, кромѣ тѣхъ, которыя саншюкомъ взрываютъ своими щеками живо выдають свою профессію; это все — картины, къ которымъ мои глаза привыкли въ Ярославль. После перѣзда черезъ Люблинскую губернію не новы стали для меня и картины полнаго разрушенія, выгорѣвшихъ кварталовъ, обрушившихся домовъ, разбитыхъ сараями стѣнъ, — городовъ, превращенныхъ шестилѣтнею войною въ пепелище. Но во вѣнскомъ окрестіи Ярослава сразу сказались нѣчто совершенно новое, еще нигдѣ и никогда не виданное, нѣчто характерно-особенное, что только и можно опредѣлять словами: «завоеванный городъ».

Послѣ недавняго артиллерійскаго обстрѣла фортовъ самый Ярославль былъ слѣдъ безъ боя. Поэтому городъ не пострадалъ вовсе. Мы не могли на вѣкъ австрійцамъ за разрушеніе Красной-Замостья, Томашова, — не могли, можетъ-быть, и потому, что уже считали Ярославль *своимъ*. Въ городѣ нѣтъ не только сожженныхъ кварталовъ, но даже просто поврежденныхъ зданій: все нетронуто и цѣло, и, кажется, нѣтъ ни одного разбитого стекла въ окнахъ. Наши войска вступили въ Ярославль такъ же мирно, какъ они входили въ Москву, въ Смоленскъ, въ Варшаву, — въ любой русской городъ. Ярославль, т. е. его строения, его улицы, — все въ немъ осталось такимъ же, какимъ было при владычествѣ австрійцевъ. Гуляя по Ярославу, невольно любишься этимъ однимъ изъ красивѣйшихъ городовъ Галиціи. Въ немъ — вѣсело широкихъ, прекрасно выложенныхъ улицъ, оставленныхъ многоэтажными домами, съ большими зеркальными стеклами магазиновъ; лучшая улица, Красовская (она же Грюнвальдовская), очень напоминаетъ Георгіевскій проспектъ въ Вильнѣ. Величавое зданіе ратуши сдѣлало бы честь любому городу Австріи или Германіи. Горный характеръ города придаетъ особую красоту нѣкоторымъ его перспективамъ: такъ, не забудемъ видъ на своеобразный, красочный соборъ, расположенный на склѣбѣ къ рѣкѣ Санѣ, — что-то напоминающее соборъ св. Марка въ Венеціи.

Когда я бродилъ по улицамъ Ярослава, — черезъ нѣсколько дней послѣ его занятія нашей арміей, — городъ еще не вполне вернулся къ обычной жизни. Еще много магазиновъ на главныхъ улицахъ было закрыто, — закрыто ослепительно, прочными желѣзными жалюзи. Вывѣски «Restauracja» маняли напрасно, такъ какъ двери оказывались прочно запортыми. Шли по улицамъ почти исключительно наши офицеры и солдаты. Лица интеллигентнаго круга, въ «штатскомъ», встрѣчались крайне рѣдко; совѣтъ не было среди нихъ женщинъ. Обывателей изъ «простыхъ» встрѣчалось несравненно больше; судя по вѣнскому виду, — рабочіе, ремесленники, мелкіе купцы, торговцы, приказчики, касприни. Порядкомъ поддерживался на улицахъ австрійскими полицейскими. Въ своей обычной формѣ они стояли на своихъ обычныхъ мѣстахъ, гордо смотрѣли прохожихъ, поспѣшно старались уладить всякое личное недоразумѣніе, охотно и любезно отвѣчали на вопросы, напримѣръ, указывая дорогу, и отдавали честь проходящимъ мимо русскимъ офицерамъ. Смѣшно было начальство, но служба осталась та же.

Однако въ то же время жизнь явно уже начинала вливаться въ этотъ завоеванный городъ. Его можно было сравнить съ большимъ, очутившимся отъ внезапнаго обморока и медленно обрѣтающимъ вновь способность управлять своими членами. Въ разныхъ мѣстахъ кафе были открыты; въ нихъ — дѣвушки-служанки, державшія себя очень скромно, разносили по требованію тарелки съ супомъ, шницель и бифштексъ, кофе, лимонадъ. Торговали отдѣльные магазины: книжные и шьеметель принадлежностей, склянные и бѣлая, готового платья, мелочныя лавочки, даже ювелиры и часовщики. Торговля велась шла бойко. Офицеры заисались бѣлье, покупали разныя лонжосиншіасы и ихъ части туалета, бумагу, чернила, одеколонъ; брали вещи «на память» объ Ярославі или въ подарокъ близкимъ. Огромный спросъ былъ на «открытки» съ видами Ярослава, но онъ въ первый же день были здѣсь распроданы: при насъ оставалась лишь одна серия съ видомъ на соборъ, которую тоже брали парасхватъ. Лично я въ одной книжной лавкѣ купилъ «на память» подарочный экземпляръ третьей части «Дядюшки» Мицкевича и нѣсколько мѣстныхъ газетъ.

Много покупали и наши солдаты, — въ лавочкахъ, на рынкѣ и у торговцевъ вразносъ. Большой успѣхъ имѣли у солдатъ мѣстныя вязаныя издѣлія, съ которыми прятавали къ прохаживанію на ухахъ бабы. Какой-то изворотливый мушкетеръ, помѣстившись въ темной аркадѣ на рынкѣ, бойко распродавалъ солдатамъ вещи, рѣзанные изъ дерева, — точь-въ-точь наши «сергійевскія» издѣлія. Всего больше соблазняли солдатъ деревянные ложки. «Четыре копейки штука» — громко выкрикивалъ по-русски торговецъ, и солдаты, тѣсясь вокругъ него, сыпали ему русскія копейки, забирала австрійскія ланжи. При этомъ шло, — ни на рынкѣ, ни въ маленькихъ лавочкахъ, — никому не приходило въ голову, что можно взять что-нибудь безъ денегъ. Мы много слышали о томъ, какъ обирали австрійцы купцовъ и жителей въ занятыхъ городахъ. Русская армія въ австрійскомъ Ярославі расплачивалась за все. Солдаты жаловались на «дороговизну» (т. е. на дороговизну, что было несправедливо, такъ какъ цѣны вещей были дешевыя), усердно торговались, порой отказываясь изъ-за дѣны отъ понравившейся вещи, но, взявъ что-ни-

будь, всегда платили. Я по крайней мѣрѣ никакъ не привыкъ въ Ярославі не выдѣвать, даже не слышать о нихъ.

Платили русскимъ деньгами. Въ магазинахъ, въ гостиницахъ, въ кафе охотно брали и русское серебро, и русскія бумажки. Но привычки считать все на кроны, но точнѣе переводили рублю на рубль и копейки. Крону при этомъ дѣлили въ 30 коп. «Стоить 3 1/2 кроны», — объявлялъ май приказчикъ, предлагая вязаный шарфъ, и, подсчитавъ на бумажкѣ, добавлялъ: «Одинъ рубль пять копѣекъ». При такомъ добросовѣтномъ почете цѣны получались иногда странными. Такъ, напримѣръ, за три чашки кофе съ насъ взяли 27 коп. (по 30-ти денгеровъ за чашку). У нѣкоторыхъ офицеровъ были австрійскія деньги, но намъ показалось, что ихъ принимали съ меньшимъ удовольствіемъ, чѣмъ русское серебро. Развѣтливой мелочью монеты нехотѣло, но это служило только поводомъ навязать покупателю нѣсколько лишннихъ вещей. Мѣстные торговцы дѣлали это съ большимъ искусствомъ и съ пониманіемъ психологіи русского покупателя, такъ что большинство магазиновъ должно было сдѣлать хороша дѣла.

— Ого! Да вы потрговали какъ сдѣдуетъ! — сказалъ я хозяину бѣльскаго магазина, выбравшему при мнѣ изъ кассы дивную вырубку.

— Вотъ господа офицеры немного помогли, а то совѣтъ были плохи дѣла, — отвѣтилъ мнѣ торговецъ съ обычной купеческой скромностью.

При этомъ онъ укладывалъ въ карманъ толстыя пачки десятирублевокъ и трехрублевокъ. Новидному, для многихъ въ Ярославі вступленію въ него русской арміи было тоже «справной» плохихъ дѣлъ. Въ то время какъ нѣмцы грабятъ занятые ими города и разоряютъ ихъ контрибуціями, мы обогащаемъ занятую нами Галицію.

Объясняется въ Ярославі можно было болѣею частью прямо по-русски. Въ большихъ магазинахъ приказчики прекрасно понимали русскую рѣчь; говорили по-русски они хуже, примѣшивая польскія слова и нѣмецкія выраженія, но въ общемъ понять ихъ было можно. Женщины, т. е. приказчики и служанки, служавшія въ кафе, русскаго языка не знали. Съ ними русскіе посетители объяснялись на особомъ «взломкѣ», составленномъ изъ простѣйшихъ словъ трехъ языковъ.

— Пріемъ, папи, ein Halbtuch.

— Четыредесятъ копѣекъ.

— Еще поски.

— Заразъ?

— Да, вѣдь. Заворонте, пожалуйста.

— Дзяскумте. Danke schön.

Простой народъ говорилъ на своемъ языкѣ, т. е. по-украински. Но, какъ я уже указывалъ, благодаря, должно-быть, выговору, этотъ языкъ былъ достаточно понятенъ даже для нашихъ солдатъ изъ внутреннихъ губерній. Во всякомъ случаѣ солдаты превосходно договаривались съ мѣстными жителями.

Гуляя по городу, интересно было наблюдать отдѣльныя сцены, свидѣтельствовавшія, что городъ послѣ краткаго отключенія воскресаетъ для новой жизни.

Вотъ около одного изъ закрытыхъ кинематографовъ хлопочутъ двое рабочихъ: что-то шпатель, приспособиваютъ какія-то доски. Вступаютъ въ разговоръ, и оказывается, что холостякъ собирается открыть свой электро-театръ; кажется, уже получилъ разрѣшеніе военнаго начальства. Но вѣдь, чтобы пустить въ ходъ кинематографъ, нужна электрическая энергія, нужна типографія, которая отпечатала бы афиши, нужно много, что возможно только въ городѣ, живущемъ полной жизнью.

Вотъ по большой дорогѣ въ городъ вѣзжаетъ крестьянская телега. Въ телегѣ — паре съ простоватымъ лицомъ, свирѣпая старуха въ національномъ галиційскомъ балахонѣ и мерова. Въ первый разъ вижу, что корову везутъ въ телегѣ вѣдето того, чтобы вести ее сади, привязавъ за рога. пытаюсь побесѣдовать съ парнемъ, но онъ не понимаетъ ни по-русски, ни по-польски, ни по-ѣмекки.

— Не, не разумѣть.

Все-таки понимаю изъ его объясненій, что онъ съ матерью «утекалъ» отъ битвы. Теперь, узнавъ, что «російскіе» никому не дѣлаютъ вреда, они возвращаются къ себѣ. У нихъ на окраинѣ города — торговля портновскимъ приладомъ, бумагой, штками, иглами. Городъ, видимо, заселяется вновь.

Валерій Брюковъ.

Варшава, 22-го сентября.

Паденіе Антверпена

Телеграфъ принесъ печальную вѣсть о паденіи Антверпена. Извѣстіе это невольно неожиданно. Уже нѣсколько телеграммъ рисовали положеніе Антверпена въ такомъ печальномъ видѣ, что естественно были самыя тревожныя опасенія относительно судьбы крѣпости. Надежде лишь вѣнскихъ фортовъ, бомбардировка самаго города, охваченнаго пожаромъ, затопленіе въ гавани германскихъ пароходовъ, бѣгство мирнаго населенія, — все это указывало на то, что силы сопротивленія крѣпости уже истощены и что, если не придетъ выручка со стороны, Антверпенъ неминуемо долженъ пасть. Выручка не пришла, и надъ многострадальной Бельгіей разразился новый тяжелейшій ужръ.

Если бы дѣло шло не объ Антверпенѣ, не о бельгіейской крѣпости, а о какой-нибудь другой, хотя бы и равнозначущей Антверпену по своему стратегическому значенію, вѣсть о новомъ успѣхѣ германцевъ не была бы встрѣчена съ такой единодушной печалью. Но въ данномъ случаѣ на первый планъ выступаетъ сознаніе того, что новое несчастье обрушилось именно на Бельгію, между всѣхъ другихъ странъ по-прежнему въ разрывившихся изъ Европой военныхъ буряхъ и вынесенной на себя главную тяжесть войны. Ея города разрушены, ея поля опустынены, ея мирное населеніе, поскольку оно принадлежало противнику, разбѣжалось во всѣ стороны, — и въ кошачьи-кошачьи малѣйшихъ героническихъ Бельгіи, мужествомъ, вставшимъ на защиту своихъ неправыхъ правъ, стала олицетворяться